

ЕЩЕ РАЗ О ФЕНОМЕНЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ

А. Д. Шмелев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Поступила в редакцию 19.11.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-2

Рассмотрено явление прагматической обязательности. Это понятие иллюстрируется на материале русских дискурсивных маркеров (в частности, частиц вдруг и разве). Дано определение прагматической обязательности: отсутствие в тексте прагматически обязательного языкового выражения приводит к утрате связности или порождает ложную импликацию. Проанализирована прагматическая обязательность дискурсивных маркеров. Обсуждается появление прагматически обязательных дискурсивных маркеров в переводе при отсутствии непосредственных стимулов в оригинальном тексте.

Отдельно охарактеризована прагматическая обязательность при употреблении собственных имен и при рассказывании анекдотов. На основе понятия «мысленное досье» сформулирован прагматический принцип употребления собственных имен, предполагающий наличие у адресата речи каких-то сведений о носителе имени. Описана прагматическая обязательность дескрипции при интродуктивном употреблении собственных имен, а также выявлен художественный эффект ее отсутствия при первом появлении имени персонажа в художественном тексте.

Проведено разграничение рассказывания анекдота и смежных речевых жанров – цитирования анекдота и напоминания анекдота. Обоснована необходимость метатекстового ввода при рассказывании анекдота, возможность «перетекания» напоминания анекдота в рассказывание анекдота. Приведены примеры рассказывания анекдота, замаскированного под напоминание анекдота, в письменных текстах, адресованных неопределенному кругу читателей.

Ключевые слова: прагматическая обязательность, дискурсивное слово, имя собственное, анекдот

1. Прагматически обязательные дискурсивные маркеры в переводных текстах

В статье речь пойдет о явлении прагматической обязательности. Это понятие было введено в (Шмелев 2001) и более подробно разработано в (Levontina, Shmelev 2005). Сущность прагматической обязательности заключается в том, что отсутствие некоторой языковой единицы в тексте может привести к утрате связности или породить ложную импликацию.

При обсуждении прагматической обязательности в указанных работах речь шла о дискурсивных маркерах. Так, в (Шмелев 2001) рас-

смаатриваемое понятие было введено в связи с использованием дискурсивного слова *вдруг* в условных клаузах, а в (Levontina, Shmelev 2005) понятие прагматической обязательности иллюстрировалось употреблением частицы *еще* в некотором типе высказываний о будущем.

Используя оборот *если вдруг...*, говорящий дает понять: 'Хотя для этого нет непосредственных причин, я хочу учесть и эту возможность, поскольку произойти может все что угодно'. Использование слова *вдруг* в такой ситуации часто бывает прагматически обязательно, так как его отсутствие в условном придаточном могло бы породить речевую импликацию 'говорящий считает реализацию данного условия весьма вероятной'.

Общий смысл высказываний вида *еще p* с частицей *еще* в значении, рассмотренном в (Levontina, Shmelev 2005), заключается в следующем. По мнению говорящего, адресат речи может полагать, что *p* уже никогда не будет иметь места; а говорящий сообщает адресату, что *p* будет иметь место, хотя, возможно, не в ближайшем будущем (напр., если кто-то уходит и говорит: *Я еще вернусь*).

Прагматически обязательные дискурсивные маркеры появляются в переводах с иностранных языков, даже если в тексте оригинала для них нет непосредственного стимула. Вполне вероятно, что переводчики вставляют их в текст почти автоматически, интуитивно ощущая, что без них текст был бы прагматически неадекватным. Приведем два примера того, как в придаточной клаузе условия в переводе появляется слово *вдруг*, из Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

1. Why, if ever I DID fall off — which there's no chance of — but **IF I did** — 'Но даже если б я УПАЛ — что совершенно исключается, — но даже **ЕСЛИ** б это *вдруг* случилось...' [Lewis Carroll. Through the Looking-Glass and what Alice found there (1871) | Льюис Кэрролл. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье (Н. Демурова, 1967)].

В оригинальном тексте по поводу условия, обозначенного в придаточной клаузе, говорится *there's no chance*, и если бы в переводе не было слова *вдруг*, можно было бы подумать, что *Humpty Dumpty* (в русском переводе Шалтай-Болтай) считает свое падение вероятным, а это прямо противоречило бы его утверждению, что оно «совершенно исключается».

2. This threadbare alibi was not intended for the patching up of past tenses in case anything went wrong, for nothing could go wrong... 'Это шитое на живую нитку алиби предназначалось не для латания прошлого на случай, *если вдруг* что-то не сладится, — ибо «не сладится» ничего не могло...' [Vladimir Nabokov. The assistant producer (1952) | Владимир Набоков. Помощник режиссера (С. Ильин, 1990—2000)].

Поскольку «“не сладится” ничего не могло», условие 'на случай, если что-то не сладится' в русском переводе содержит слово *вдруг*, указывающее на чрезвычайно малую вероятность реализации этого условия.

Обратим внимание на то, что в оригинальных текстах нет никакого непосредственного стимула для появления в переводе слова *вдруг*: оно полностью обусловлено прагматическими факторами. В следующем примере в оригинале можно найти непосредственный стимул для *вдруг* (слово *suddenly*), но и здесь наличие в переводе этого слова можно считать прагматически обязательным, поскольку иначе могло бы создаться впечатление, что Фрэнк считал вполне вероятным, что Скарлетт О'Хара начнет при нем раздеваться:

3. It was easy to cry, because she was so cold and miserable, but the effect was startling. Frank could not have been more embarrassed or helpless if she had suddenly begun disrobing. 'Ей ничего не стоило заплакать, потому что она продрогла и чувствовала себя такой несчастной, но это произвело на Фрэнка поистине ошеломляющее впечатление. *Если* бы она *вдруг* принялась при нем раздеваться, он едва ли был бы более смущен и растерян' [Margaret Mitchell. *Gone with the Wind*, Part 2 (1936) | Маргарет Митчелл. *Унесенные ветром*, ч. 2 (Т. Кудрявцева, 1982)].

Другая группа примеров касается появления в переводе вопросительного предложения дискурсивного слова *разве*. Функция вопроса с этим словом заключается в том, чтобы обсудить необходимые предпосылки ситуации, находящейся в фокусе внимания (см.: (Булыгина, Шмелев 2001)). Часто это реакция на реплику собеседника, пресуппозиция которой или условия успешности соответствующего речевого акта противоречат предшествующим представлениям говорящего, так что он останавливает собеседника, фиксируя это несоответствие. Два примера из НКРЯ:

4. "Your young master." "Master! How is he my master? Am I a servant?" 'Ведь это же ваш молодой хозяин! — Хозяин? Почему это он мой хозяин? *Разве* я прислуга?' [Charlotte Brontë. *Jane Eyre* (1847) | Шарлотта Бронте. *Джейн Эйр* (В. Станевич, 1950)].

Мисс Эйр возмущена тем, что ей сказали «ваш молодой хозяин», потому что, по ее мнению, «хозяин» может быть только у прислуги, а предположение, что она сама вроде прислуги и потому у нее может быть «хозяин», противоречит ее представлениям.

5. "What girl are you?" "O, Frank — don't you know me?" said the spot. "Your wife, Fanny Robin. 'А кто вы, как вас зовут, девушка? — О, Фрэнк, *разве* ты не узнаешь меня? — отвечала тень. — Я твоя жена, Фанни Робин' [Thomas Hardy. *Far from the Madding Crowd* (1874) | Томас Гарди. *Вдали от обезумевшей толпы* (М. Богословская, Н. Высоцкая, 1970)].

Вопрос «кто вы, как вас зовут?» уместен, если говорящий не знаком с адресатом речи или не узнает его; но странно не узнавать собственную жену. (Впрочем, Фанни в момент этого разговора не была женой Фрэнка, хотя и хотела выйти за него замуж.)

Часто прагматически обязательным оказывается наличие некоторого дискурсивного маркера, но выбор конкретного маркера остается до некоторой степени произвольным. Если я начал читать книгу и она мне понравилась с первых страниц, я могу сказать *Кажется, это хорошая книга*, *Как будто это хорошая книга* или *Вроде это хорошая книга*, употребив показатель неуверенности (напр., *кажется, как будто* или *вроде*). Но фраза без такого показателя была бы прагматически неадекватна, поскольку имплицировала бы, что я прочел книгу целиком или хотя бы значительную ее часть и у меня есть основания для более уверенной оценки. По этой же причине показатель неуверенности нужен, если говорящий не читал книги, а судит о ней с чужих слов (но тогда наряду с дискурсивными маркерами *кажется, как будто* и *вроде* можно использовать эксплицитную отсылку к чужой оценке *говорят*).

Итак, свойство прагматической обязательности более всего характерно для дискурсивных маркеров. Однако это свойство может быть присуще и другим языковым выражениям. В следующих двух разделах речь пойдет о прагматической обязательности при интродуктивном употреблении собственных имен и при рассказывании анекдотов.

2. Стандартное и интродуктивное употребление собственных имен

Различение стандартного и интродуктивного употребления собственных имен опирается на прагматический принцип, описанный в (Шмелев 1989) в рамках «неокаузальной теории», разработанной автором указанной статьи. Для простоты обсудим этот принцип на материале антропонимов, хотя, вообще говоря, он применим ко всем собственным именам. Сущность прагматического принципа заключается в следующем: в отсутствие специальных показателей интродуктивности имя собственное может быть употреблено с референцией к конкретному лицу, если адресат речи, по мнению говорящего, располагает какими-то сведениями о носителе имени. Эти сведения можно представить себе хранящимися в «мысленном досье» носителя имени в соответствующем участке памяти адресата речи. Иными словами, стандартное референтное употребление имени собственного возможно, если говорящий предполагает, что у адресата речи есть некое «мысленное досье» носителя имени. Нарушение этого принципа может повлечь за собою коммуникативную неудачу.

Если у говорящего нет прагматической пресуппозиции о наличии в памяти адресата требуемого «мысленного досье», то, прежде чем использовать имя собственное для референции, он должен представить носителя имени адресату (то есть дать инструкцию открыть в сознании новое «досье»). Последующие употребления имени позволят адресату речи его пополнить.

Высказывания, посредством которых говорящий представляет адресату речи носителя имени, могут быть названы интродуктивными ак-

тами. Способы языкового оформления интродуктивных актов могут быть различны. К ним относятся, например, оstenсивные высказывания (*Знакомьтесь, это Петя*), а также случаи, когда употребление имени собственного сопровождается дескрипцией (иногда вместо дескрипции используется неопределенное местоимение, например *некто Петров*; это означает, что необходимые сведения для пополнения «мысленного досье» будут представлены далее). Не описывая подробно все разнообразие способов языкового оформления интродуктивных актов, заметим, что в ситуации, когда адресат речи не располагает «мысленным досье» носителя имени, использование интродуктивного акта можно считать прагматически обязательным. При отсутствии интродуктивного акта возникает импликатура, что, по мнению говорящего, такое «мысленное досье» у адресата речи уже есть.

Если в обычной коммуникации нарушение прагматического принципа может привести к коммуникативной неудаче, то в художественных текстах это часто используется как прием, как раз и направленный на порождение импликатуры 'адресат речи располагает сведениями о носителе имени', поскольку корректное стандартное употребление имени собственного возможно лишь в том случае, если адресату известен референт. Таким образом, текст строится как обращенный к адресатам, которые уже введены в курс дела, и, чтобы иметь возможность понимать текст, читатель вынужден воображать себя человеком, уже имеющим представление о соответствующем персонаже. Художественный эффект такого приема может быть различен. В частности, можно упомянуть эффект «автоадресации» и эффект предназначенности для «узкого круга посвященных».

При «автоадресации» нет противопоставления говорящего и адресата. Так, в частности, строятся произведения, в которых сюжет движется не событиями, а воспоминаниями повествователя. В тексте, адресованном «вспоминателем» самому себе, нет необходимости представлять действующих лиц; любой объект, известный повествователю, тем самым известен и адресату.

В текстах, адресованных «узкому кругу посвященных», нет отождествления говорящего и адресата. Однако текст ориентируется на лиц, которым хорошо известны описываемые реалии. Поэтому степень информированности говорящего и адресатов здесь опять-таки одинакова. Так обстоит дело, в частности, в так называемой «светской повести», как бы обращенной к салонной аудитории и повествующей об «общих знакомых». Для «светской повести» характерен тон непринужденного разговора о предметах, известных собеседнику, в ней нередко встречаются намеки на общих знакомых, игра аллюзиями. Иногда там тоже текст строится как воспоминания повествователя, но это не воспоминания, обращенные к самому себе, — скорее повествователь делится своими воспоминаниями с кем-то, принадлежащим тому же кругу.

В текстах, основу которых составляет несобственно-прямая речь, субъект несобственно-прямой речи обычно сразу бывает назван по

имени, без специальной интродукции (описание ведется «изнутри», но в третьем лице). Нет нужды представлять персонажа, поскольку повествование ведется именно с его точки зрения. Вспомним начало рассказа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»:

6. В пять часов утра, как всегда, пробито подъём — молотком об рельс у штабного барака. Перерывистый звон слабо прошёл сквозь стёкла, намёрзшие в два пальца, и скоро затих: холодно было, и надзирателю неохота была долго рукой махать.

Звон утих, а за окном всё так же, как и среди ночи, когда Шухов вставал к параше, была тьма и тьма, да попадало в окно три жёлтых фонаря: два — на зоне, один — внутри лагеря.

Имя собственное *Шухов* появляется без сопровождающих пояснений, и дальнейшее повествование представляет собою его несобственно-прямую речь, лишь изредка прерываемую авторскими отступлениями. Для других имен собственных персонажей первое появление имени сопровождается пояснением. Приведем несколько примеров из самого начала рассказа: «его первого бригадира Кузёмина»; «Полтора Ивана, худой да долгий сержант черноокий»; «сосед Шухова баптист Алёшка»; «Буйновский, капитан второго ранга бывший, кавторанг».

Повесть «Раковый корпус» строится на основе чередования несобственно-прямой речи разных персонажей. Начало повести — несобственно-прямая речь Русанова (и дальнейшее повествование в первой и второй главе строится на ней же):

7. Раковый корпус носил и номер тринадцать. Павел Николаевич Русанов никогда не был и не мог быть суверен, но что-то опустилось в нём, когда в направлении ему написали: «тринадцатый корпус». Вот уж ума не хватило назвать тринадцатым какой-нибудь протезный или кишечный.

Но повторим, что видимое нарушение прагматического принципа в примерах такого рода только подтверждает его значимость. Возможно, многие встречали людей, которые говоря о своих знакомых, называют их по имени без интродукции, нисколько не заботясь о том, известен ли носитель имени собеседнику. Мы вправе сделать вывод, что либо эти люди ошибочно полагают, что их знакомые известны всем, либо они пренебрегают коммуникативными правами собеседников. Использование без интродукции собственных имен персонажей в художественном тексте лишь внешне выглядит как пренебрежение коммуникативными правами читателя. В действительности, как мы видели, это показатель того, что текст по своему формальному построению ориентирован вовсе не на читателя, а на фиктивного адресата, которому соответствующий персонаж прекрасно известен (иногда в роли фиктивного адресата выступает сам этот персонаж).

Иными словами, как в бытовой речи, так и в художественном тексте использование имени собственного без представления имплицитует,

что, по мнению говорящего, адресат уже располагает «мысленным досье» носителя имени. Если это предположение ложно, то, как уже говорилось, в обычной коммуникации это может быть причиной коммуникативной неудачи, а в художественном тексте это может быть приемом, особым образом очерчивающим круг адресатов, на которых формально ориентирован текст.

3. Рассказывание анекдота: метатекстовые вводы

С особым типом прагматической обязательности мы сталкиваемся, когда имеем дело с характеристиками речевых жанров. Это можно иллюстрировать на примере речевого жанра рассказывания анекдота.

Прежде всего необходимо отличить речевой жанр рассказывания анекдота от смежных речевых жанров — цитирования анекдота и напоминания анекдота.

При цитировании анекдота говорящий исходит из того, что анекдот уже известен слушателям. При этом анекдот может цитироваться полностью, но чаще говорящий ограничивается какой-то одной фразой. В последнем случае, если рассказчик специально не сообщит, что цитирует анекдот, слушатели могут не определить, что это цитата, а воспринять ее просто как ходящее выражение. Тогда цитата превращается в крылатое изречение, или мем, но жанр цитирования анекдота разрушается. По-видимому, не все носители русского языка осознают как цитаты из анекдотов такие выражения, как *белый и пушистый* или *доказывай, что ты не верблюд*.

При напоминании анекдота говорящий тоже исходит из того, что анекдот уже известен слушателям. Однако напоминание может быть косвенным, включать лишь указание на тему анекдота, на обстоятельства, при которых он был рассказан, на человека, от которого он был услышан (*ты как тот раввин из анекдота, или помнишь такой анекдот?, или помнишь любимый анекдот Владимирской епархии?*). Иногда напоминание анекдота включает цитату из него, и тогда напоминание похоже на цитирование. Напр.:

8. Ну это как старýй анекдóт/ *картошку сажаём/ на-нау-наутро выкапываем*. [В.С. Степин, В.Г. Буданов. Беседа В.Г. Буданова со В.С. Степиным (2009)]

Но в отличие от цитирования анекдота, при напоминании говорящий всегда дает понять, что напоминает анекдот (чаще всего эксплицитно употребляя слово *анекдот*), и если оказывается, что слушатели не знают анекдота, говорящий может перейти к его рассказыванию.

Важное свойство речевого жанра рассказывания анекдота заключается в том, что говорящий должен предварить рассказывание особым метатекстовым вводом, обычно включающим слово *анекдот* (см., напр.: (Шмелева, Шмелев 2002, с. 29–31)). В качестве метатекстового ввода мо-

гут использоваться такие фразы, как *Давай(те) расскажу анекдот...; Хочешь, анекдот расскажу?* и т.д. Этим анекдот отличается, например, от речевого жанра шутки (шутки никогда не предваряются «метатекстовым» вводом типа *Я сейчас пошучу; Давайте я пошучу; Хотите, я пошучу* и т.п.).

Иногда «метатекстовый» ввод приходится делать более подробным, давая слушателям дополнительную информацию, необходимую для понимания анекдота. Ср.:

9. *Знаете советский анекдот двадцатых годов?* Кто как расшифровывает ВСНХ: Коммунисты — «всем скверно, нам хорошо». Нэпманы — «воруй смело, нет хозяина». А евреи — «холера на советскую власть».

Впрочем, даже при наличии такого метатекстового ввода современные слушатели понимают этот анекдот с некоторым напряжением. Во-первых, они могут уже не помнить подлинной расшифровки указанной аббревиатуры (*Высший совет народного хозяйства*), а во-вторых, им может потребоваться усилие, чтобы понять, что расшифровка «холера на советскую власть» представляет собою расшифровку ВСНХ, прочитанного справа налево (ср.: (Там же, с. 60—61)).

Когда напоминание анекдота перетекает в рассказывание анекдота, именно попытка напоминания играет роль метатекстового ввода. Собственно, метатекстовые вводы иногда строятся как попытка напоминания: *Знаете анекдот о...?; Слышал анекдот о...?* Если оказывается, что слушатели знают анекдот, рассказывание не происходит.

Но иногда говорящий, не будучи уверен, знают ли слушатели анекдот, строит его рассказывание как напоминание. Это особенно часто происходит, когда анекдот «рассказывается» в письменном тексте, предположительно адресованном неопределенному кругу читателей. Ср.:

10. Помните анекдот, когда жена при соседке назвала мужа сифилитиком, а тот врывается на кухню: «Сколько раз повторять: не сифилитик я, а филателист!» [Сергей Шерстенников. Доктор твоего // Автопилот. 2002. 15 янв.].

11. Знаете, как в том анекдоте... чем отличаются уроки от пар?... тем, что в школе учатся, а в институте парятся [Форум: Школа или универ где легче?) (2006)].

Но в любом случае, если рассказать анекдот, не предварив его каким-то метатекстовым вводом, слушатели будут в недоумении. Они могут спросить: «Ты что, анекдот рассказываешь?» Поэтому наличие метатекстового ввода можно считать прагматически обязательным для речевого жанра рассказывания анекдота.

4. Заключительное замечание

Итак, мы видим, что понятие прагматической обязательности применимо не только к дискурсивным маркерам, но и к языковым единицам другой природы. Однако общая закономерность остается в силе:

высказывание осталось бы грамматически правильным и в отсутствие прагматически обязательных показателей, но оно стало бы прагматически неадекватным или порождало бы имплицатуры, не предусмотренные говорящим.

Именно это свойство позволяет использовать отсутствие прагматически обязательных показателей в целях непрямого выражения требуемого смысла. Однако сама возможность такого использования свидетельствует о прагматической обязательности соответствующих языковых выражений.

Список литературы

Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д., 1987. О семантике частиц *razve* и *neuzheli*. *Научно-техническая информация*, 10, с. 21–25. [Bulygina, T. V. and Shmelev, A. D., 1987. On the semantics of particles *razve* and *neuzheli*. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* [Scientific and technical information], 10, pp. 21–25 (in Russ.)].

Шмелев, А. Д., 1989. Пробный камень теории референции. *Вопросы кибернетики. Семиотические исследования*. М., с. 49–80. [Shmelev, A. D., 1989. The touchstone of the theory of reference. In: *Voprosy kibernetiki. Semioticheskie issledovaniya* [Topics in the study of cybernetics: Semiotic investigations]. Moscow, pp. 49–80 (in Russ.)].

Шмелев, А. Д., 2001. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (*на всякий случай, если что, вдруг*). *Русский язык: пересекая границы*. М. Гиро-Вебер, И. Б. Шатуновский (отв. ред.). Дубна, с. 266–279. [Shmelev, A. D., 2001. Some trends in the semantic development of Russian discourse words (*na vsyakii sluchai, esli chto, vdrug*). In: M. Guiraud-Weber and I. B. Shatunovsky, eds. *Russkii yazyk: peresekaya granitsy* [Russian: Crossing borders]. Dubna, pp. 266–279 (in Russ.)].

Шмелева, Е. Я., Шмелев, А. Д., 2002. *Русский анекдот: Текст и речевой жанр*. М. [Shmelev, E. Ya. and Shmelev, A. D., 2002. *Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr* [Russian jokes: Text and speech genre]. Moscow (in Russ.)].

Levontina, I. and Shmelev, A., 2005. The particles one cannot do without. In: Ju. D. Apresjan and L. L. Iomdin, eds. *East – West Encounter: Second international conference on meaning ↔ text theory*. Moscow, pp. 259–268.

Об авторе

Алексей Дмитриевич Шмелев, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

ORCID ID: 0000-0002-5019-1525

E-mail: shmelev.alexei@gmail.com

Для цитирования:

Шмелев А. Д. Еще раз о феномене прагматической обязательности // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №3. С. 30–39. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-2.

PRAGMATIC OBLIGATORINESS REVISITED

Alexei D. Shmelev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 110019, Russia

Submitted on 19.11.2024

Accepted on 15.04.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-2

This article examines the phenomenon of pragmatic obligatoriness. For illustrative purposes, it discusses Russian discourse markers – particularly the particles ‘vdrug’ and ‘razve’. An expression is considered pragmatically obligatory in a given communicative situation if its absence, where the situation calls for it, may lead to unintended implicatures. Pragmatically obligatory discourse markers may occasionally appear in translation even when no direct stimulus is present in the source text. Special attention is given to the use of proper names and the act of telling jokes. The article explores the pragmatic principle governing proper names through the concept of the mental dossier, arguing that the introduction of a name should be accompanied by a description of its referent. In fictional texts, violation of this principle may produce specific artistic effects. The article also differentiates between the telling of jokes and related speech genres. It argues that the introduction of a forthcoming canned joke into discourse is necessary, and it examines certain clichés commonly used to preface such jokes – clichés that are never employed to introduce spontaneous jokes.

Keywords: pragmatic obligatoriness, discourse word, proper name, canned joke

The author

Dr. Alexei D. Shmelev, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Department of Russian Linguistic Standards, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

ORCID ID: 0000-0002-5019-1525

E-mail: shmelev.alexei@gmail.com

To cite this article:

Shmelev, A.D., 2025, Pragmatic obligatoriness revisited, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 3, pp. 30–39. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))